Манана Думбадзе

Афганистан сквозь замочную скважину «Барона»

С грузинского. Перевод Владимира Маловичко

Глава 15

Кто сказал, что афганская охрана плохая? Она очень хорошая, вполне меня устраивает. В нашем проекте и во всех других проектах USAID в соответствии с текущей политикой американского правительства в Афганистане идет тотальная «афганизация». В службе безопасности происходит то же самое. Американских и британских офицеров меняют на только что обученных афганских. По этому поводу весь международный состав «Барона» страшно паникует. Афганцам не доверяют: кто может гарантировать, что они не продадут тебя талибам? Памятуя о трагическом случае, когда талибы похитили американскую дипломатку, которая погибла в результате спецоперации по ее освобождению, я предупреждаю всех: если меня похитят, не вздумайте освобождать меня, с талибами я сама как-нибудь разберусь. Окружающие, которым я это говорю, улыбаются и советуют не шутить на эту тему.

Уже 20 дней как TAFA проводит тренинги для студентов экономического факультета Кабульского университета по теме «Деятельность Международной ассоциации перевозок». Эти тренинги известны всему Афганистану, поскольку кроме студентов университета TAFA прочла этот курс транспортникам и перевозчикам почти всех провинций страны. И настал мой звездный час: мне поручили написать «Историю успеха». Официальное закрытие трехмесячного тренинга было назначено на 30 октября. Ожидалось прибытие элиты афганской экономики, бизнеса и высшей школы.

С целью получения информационных материалов я решила посетить одно из последних семинарских занятий. Помимо всего, мне интересно было посмотреть, как живут и учатся студенты, как они одеты, какое у них отношение к учебному процессу, какие надежды, к чему они стремятся...

Мой учитель дари рассказывал мне, как он при талибах преподавал афганской молодежи английский язык: «Когда талибы пришли к власти, я бросил государственную службу и начал учить языку в университете. Одновременно подготовил курс для начинающих и на первом этаже своего дома открыл офис. Ежедневно до одиннадцати вечера я работал не поднимая головы, пока однажды ко мне не пришли и прямо во время урока не устроили допрос: что преподаешь, почему, кому? Я отвечал спокойно, полагая, что это обычная проверка. Мой сын оказался понятливей и, чтобы защитить меня, спустился ко мне из своей комнаты. Ему и слова не дали произнести, сразу ударили ногой в лицо. Я рванулся к нему, но меня бросили на пол и долго, старатель-

Окончание. Начало см. «ДН», № 9, 2013.

но били ногами. Тогда мы отделались побоями, но с тех пор я стал очень осторожен и предпочитал заниматься с учениками у них дома. Особенно опасно было учить девочек. Это считалось грубым нарушением моральных принципов и могло привести к самым печальным последствиям.

Обучаться английскому приходил и молла. Однажды, когда мы с ним занимались, раздался грубый стук в дверь. Я сказал молле, чтобы он быстро начал читать Коран, каратели растерялись и ушли ни с чем. Несколько раз меня останавливали на улице, когда я возвращался от учеников, спрашивали, где был, чему учил. Видимо, кто-то постоянно доносил на меня. Я очень боялся, но остановить меня было невозможно. Я до сегодняшнего дня служу этому делу и создал уже около двухсот курсов изучения языков для разных слоев населения с разным уровнем знаний».

Так было при талибах. А теперь расскажу о сегодняшнем Кабульском государственном университете. С утра я согласовала вопрос с охраной, и мы с уже известным вам Дахундой и его ассистентками сели в машину и поехали участвовать в последней сессии по вопросам организации перевозок. Поскольку дорога в Кабульский университет проходит через центр города, я надеялась хоть из окна машины увидеть центральную часть Кабула и Куриную улицу. Но стоило мне об этом подумать, как в машине заработала громкая связь, водителю сообщили, что на центральной площади многолюдная демонстрация и надо ехать обходным путем. Мы двинулись по уже знакомой объездной пыльной дороге, вдоль гор, мимо грязных развалюх. Склоны гор здесь застроены глинобитными домами с плоскими крышами. Между ними вверх вьется ослиная тропа, по одну сторону которой — каменная лестница с высокими ступеньками. До самых верхних домов она не доходит, туда можно вскарабкаться только по тропинке.

— В нормальных странах в таких местах живут миллионеры, а у нас только бедняки, — говорит Дахунда. — В этом районе нет ни воды, ни дорог, а электроэнергия — по графику. Что касается канализации, то это ахиллесова пята всего Кабула.

— Позволь, а куда идет огромная гуманитарная международная помощь, если в городах не налажены водоснабжение и канализация? — возмущаюсь я, будто в 90-х годах у нас все эти вопросы были решены.

— Уплывает в чьи-то карманы. У вас что, не так что ли?

— У нас дороги строили и рушили сначала коммунисты, потом демократы их доламывали. Во время Революции роз начался дорожный бум. По утверждению нашего правительства, вся международная помощь была потрачена на строительство новых дорог. Да, новое здание аэропорта еще возвели. Правда, ветер так часто приподнимал его крышу, которая к тому же протекала, что народ остроумно прозвал это здание «кабриолетом». Фонтанов понастроили уйму. По количеству фонтанов на душу населения мы, думаю, вырвались на передовые позиции в мире. Еще мосты. Злые языки говорят, что продолжение строительства новых мостов может привести к необходимости добавления новых рек или, по крайней мере, притоков. Пока почти ничего не взрываем.

— Но вы вроде довольны правительством?

— Уж так довольны — дальше некуда,— отвечаю я и, чтобы не развивать эту пикантную тему, спрашиваю: — Скажи, а сколько стоят дома в этом квартале?

— Очень дешево, но все равно никто их не покупает. Здесь вынуждены селиться те, кто не в состоянии платить налоги и привык жить впроголодь.

— А район очень красивый. Думаю, лет эдак через двадцать-тридцать он станет наиболее привлекательным для житья, — пофантазировала я. — Дальновидный бизнесмен сюда должен вкладывать деньги.

Дахунда снова улыбается, но на этот раз без комментариев: он вовсе не уверен, что Афганистан в течение ближайших тридцати лет покончит с войной и преобразится.

— Приехали! Узнай, пожалуйста, впустят ли нашу машину на территорию? — говорит он водителю.

По разные стороны университетских ворот — два раздельных входа: один для студенток, другой для студентов. При входе служба безопасности проверяет как девочек, так и мальчиков. Нашей машине позволили въехать во двор.

Университет занимает громадную территорию хвойно-лиственного лесопарка, по которой разбросаны учебные корпуса; остатки дорог, во всяком случае тротуары времен советского режима почти полностью разрушены. В глубине парка виднеются заржавевшие металлические столы и стулья. Учебные корпуса связаны с главной дорогой немного более ухоженными асфальтированными аллеями. Несмотря на то, что парк довольно старый и на удивление не тронутый, нашествие городской пыли наложило и на него свой серовато-коричневый отпечаток. В отсутствие хозяйского ухода он зарос и одичал, но красота его угадывается и теперь, несколько лет мирной жизни быстро бы его возродили.

Я спросила у Дахунды, когда был основан университет. Он ответил: то ли в 1320-м, то ли в 1330-м году, но это учитывая, что сейчас в Афганистане 1399-й. Значит, возраст их университета почти такой же, как и нашего, но отличается он от нашего тем, что представляет собой настоящий университетский городок: все корпуса со своими библиотеками, хозяйственными и административными постройками, студенческими клубами находятся на одной территории. Мне она так понравилась, что заходить внутрь совсем не хотелось, но я последовала за Дахундой на третий этаж, где расположен экономический факультет.

В первом ряду аудитории сидели только мужчины. Девушки — отдельно, в третьем и четвертом рядах. Дахунда и его помощник Джамшид проводили последнюю письменную работу, они неторопливо ходили между рядами, отвечали на вопросы студентов и давали советы. Я ходила вслед за ними и фотографировала. Во время перерыва Дахунда подвел меня к девушкам. Я записала несколько небольших интервью. Когда я спросила, как они оценили бы данный тренинг, они вежливо ответили, что он был полезным, после чего стали задавать вопросы сами:

— А вы как все это оцениваете? — обратилась ко мне девушка в красном платке, зеленоглазая, с правильными чертами бледного лица.

— Ну, по моей оценке, вы — самые красивые девушки в мире. Что же касается профессиональных оценок, то их сделают другие, — сказала я, указав рукой в сторону Дахунды.

— Большое спасибо, вы тоже красивая и очень добрая, — услышала я в ответ.

— Для них это самая желанная оценка, больше всего они хотят услышать именно это, — заметил Дахунда и взглядом дал понять, что пора уходить.

— Я должна сфотографировать девочек, — попыталась я потянуть время.

— Сфотографируй их в саду, — предложил Джамшид, и по голосу было заметно, что он нервничает.

Я быстро сделала несколько фотографий, и меня почти бегом «подали» к нашей бронированной машине. Водитель-афганец посмеивался над тем, как неловко я влезала в огромный внедорожник, но помочь не мог: правила приличий не позволяли. Зато он сделал то, о чем я и не мечтала, — повез нас обратно по разухабистой дороге через понравившиеся мне горные селения. Машина медленно двигалась по шумной щебенке и иногда накренялась так, что привязные ремни впивались в тело, но я все-таки ухитрялась фотографировать дома, осликов, их оборванных хозяев, веселых грязных детей, которые бежали за нами и смеялись нам вслед. Потом, просматривая карточки, снятые в квартале Сурия, я убеждалась в том, что до мест, которые мне так понравились, цивилизация еще не добралась.

Глава 16

Из-за того, что кто-то взорвался в «Файнесте» и унес с собой на тот свет минимум десяток невинных иностранцев и афганцев, нас начали возить в другой маркет той же сети. При выходе оттуда с полными мешками провианта через черный ход я подняла глаза и увидела совсем недалеко каменистую гору, на вершине которой прекрасным венцом сидела крепостная стена — шедевр древнего зодчества. Это был драгоценнейший перл Кабула — Бала-хиссар, основанная в V веке нашей эры крепость. Течение времени и нескончаемые войны ничего не смогли с ней сделать. Она, подобно нашему Джвари, так гармонично вписывается в пейзаж, будто вырастает из горы. Мне казалось, что машина времени перенесла меня в эпоху великого Шота Руставели, что я по его следам попала к стенам Каджетской крепости и своими глазами увидела, где томилась в плену Нестан-Дареджан. Словно прекрасное видение, эта крепость явилась мне всего один раз, больше мне ее узреть не довелось.

Вчера одна моя афганская сотрудница прислала мне по Фейсбуку фотографии старого Кабула. Всего каких-то сорок лет назад город называли Цветущим садом или Розой Востока. Как жаль...

Кто-то сказал, что лучше всего у афганцев получается война. Но надо заметить справедливости ради, что возрождаться они тоже умеют. Просто жизнь этой страны сложилась так, что разрушения происходили чаще. Плохо то, что, если период восстановления сильно задерживается, строительные умения и секреты забываются. В Кабуле это отчасти сказывается уже сейчас: индийская, пакистанская и иранская архитектурные аляповатости начинают вытеснять ровный и мягкий афганский стиль. Я не имею претензий ни к какому стилю, но все хорошо на своем месте.

Наподобие знатных грузинских фамилий, фамилия Хотак в Афганистане связана с имперскими претензиями кучи[1]. Оказывается, представители этого рода в XIV веке правили Афганистаном и половиной Ирана. Исмаил Хотак, наш сотрудник, один из последних представителей этого знатного рода. Это высокий, представительный, широкоплечий афганец с черной гривой вьющихся волос над большими, темными как ночь глазами. Своей пластикой и манерами он очень напоминает нашего Арсена Марабдели из грузинских преданий, который отнимал у богатых и отдавал бедным. Если меня спросят про афганца, внешность которого могла бы олицетворять Афганистан, первый, кто встанет перед моими глазами, это Исмаил Хотак. С его лица не сходит улыбка, с которой он всем и во всем помогает. В нашем проекте ему поручены вопросы транспортного обеспечения сотрудников. Именно он встретил меня в аэропорту, когда я впервые прилетела в Кабул, и, вероятно, поэтому у меня сразу возник возвышенный и оптимистичный настрой по отношению к этой стране.

Исмаил необыкновенный знаток афганской истории. Это он рассказал мне, как первые грузины с боями ворвались в Северный Афганистан, остались там и со временем стали афганцами.

— Деревни кучи называют «вотхилами», и их жители считаются опасным народом. Большинство талибских военных отрядов почти полностью сформированы из кучи. В бузкаши[2] с ними не сравнятся никакие другие наездники. Для этого вида спорта и лошади у нас наилучшие.

— Бузкаши — это поло?

---

[1] Кочевники Афганистана — кучи (или кучаи), которых обычно относят к пуштунам, образуют самостоятельную этническую группу и по действующей афганской конституции пользуются особым положением в государстве. По разным оценкам, в Афганистане живет от 2,5 до 6 млн. кучи.

[2] Бузкаши — конноспортивное состязание, известно со времен Чингисхана, популярный вид спорта, который требует от участников отваги, ловкости и силы.

— Бузкаши — это «бус кашин», ловля лошадей. Наездник должен всеми правдами и неправдами отнять у противника зарезанного теленка. Безжалостная игра без правил!

— Выходит, бузкаши — это война, а не игра? У вас все без правил? — смеясь, спрашиваю у Исмаила.

— Так получается. Поэтому сегодня в бузкаши, кроме афганцев, уже никто не играет, — отвечает он и будто про себя добавляет: — Здесь никогда не поймут, что такое демократия. Наша культура и истина это Ислам. Все, что создано человеческой мыслью — закон, демократия и все прочее, — это Ислам, который представляет и независимость, и свободу... Говорят, что в Афганистане ущемляются права женщин. Это мы ущемляем права женщин? Мы, которые так ухаживаем за своими женщинами, день и ночь работаем, чтобы они ничего не делали, ни на минуту не оставляем их без внимания и никогда не бросаем их на произвол судьбы!

— Ты о ком говоришь, Исмаил, ты говоришь об афганских женщинах? Или я ослышалась?

— Женщина для меня все: мать, жена, друг, любовница, дочь, родина — все это связано с понятием женщина, — понесло Исмаила так, что можно было подумать, будто мы за грузинским столом и он предлагает тост за женщин.

— А чадру я, что ли, придумала?

— А кто тебе сказал, что чадра — афганского происхождения? Какой-то дурачок завез ее из Ирана, другой напялил ее на свою жену. Так и пошло. Своей жене я никогда не предлагал носить чадру. А как дорого обходятся нам наши дорогие женщины! В нашей стране мужчина не допускает, чтобы его женщина была не одета и не обута. Если в машине у мужчины сидит женщина, хорошо одетая и солидная, полиция его не остановит, так как этот мужчина — уважаемый, честный и деловой человек.

— Бедные афганские мужчины! Какие вы несчастные в наших руках!.. — подтруниваю я. — Кстати, у тебя, кажется, три девочки?

— Нет, у меня есть и мальчик, но я с ума схожу по моим девочкам; мальчики принадлежат матерям (такое впечатление, будто Исмаила подготовили грузинские мужчины и подсунули мне для испытания). — Кучи свободен как ветер. Афганская земля для него — собственноручно сотканный ковер-самолет. Кучи очень умен и ловок. Это самые богатые люди в Афганистане, но и мы теперь живем не так, как должны жить, — продолжает философствовать Исмаил. — Беспощадное время заставляет нас делать глупости, чтобы скопить денег. Владелец банка «Азиз» мой двоюродный брат. Будучи в нефтяном бизнесе, он сколотил огромный капитал, но... ценой гибели двух сыновей. Третьего сына у него похитили и не возвращали, пока он не заплатил миллионы...

Семья Исмаила состоит из восьмидесяти членов. Все живут в одном квартале в собственных домах. Один дом общий, там каждый вечер все собираются и вместе пьют чай. Исмаил говорит, что делают они так, чтобы мать имела возможность каждый день приласкать каждого своего ребенка и спокойно засыпала.

— Это наша младшая мать, сейчас она живет у меня. Отец мой несколько лет как скончался. Если она каждый день не пообщается со своими детьми, она тоже умрет,— говорит Исмаил.

Ну, дорогие мои, это все из какой-то другой афганской сказки. Потому что все, что я читаю в документах и книгах про Афганистан, что вижу в натуре, это совершенно другая реальность. Впрочем, возможно, мир кучи, заселенный кланом Хотаков, действительно тот желаемый Афганистан, который существует только в измерении Исмаила.

И еще о коврах, которые ткут кучи. Они совершенно не похожи на известные афганские ковры ручной работы. На ковре кучи отображается вся летопись народа, из-за чего за этими коврами особо охотятся коллекционеры и туристы. Хотя с герат-скими коврами и им не тягаться: гератский ковер — это царь ковров.

Сегодня я, Весна и три молодые афганки обедаем вместе. Весна из Боснии. Она уже пять лет работает в Кабуле в международных проектах, достаточно хорошо разбирается в вопросах афганского быта и легко входит в контакт с афганцами. Книги, которые я прочла перед приездом сюда, полны описаниями ужасов. Если верить тому, что рассказывают Халед Хоссейни и другие афган-ские писатели, эта когда-то великолепная нация, отличавшаяся изысканной культурой, стремившаяся к образованию, сегодня превратилась в сборище маньяков, садистов, необразованных фанатиков, интеллектуальных конформистов и коррупционеров. Что дело обстоит не так, я уже начала понимать. Иные эмигранты осуждают и тех, из-за кого они оказались в изгнании, и тех, кто добровольно остался на родине или не сумел, как они, сбежать. Так до сегодняшнего дня обвиняют нас убежавшие от советизации за рубеж грузинские эмигранты и называют коммунистами или в лучшем случае переродившимися грузинами, носителями советского менталитета. Мы не свергли советскую власть и не подготовили почву для их возвращения. Тех, кто в условиях социализма добивался определенных успехов, грузинские эмигранты из Западной Европы без разбора клеймили агентами КГБ. Коммунисты, в свою очередь, эмигрантов припечатывали изменниками. А мы, простые смертные грузины из Советского Союза, завидовали «деятелям» из Парижа, Лондона и США, которые, по нашим представлениям, ворочали миллионами. Как мы могли предположить, что *наши* не являются там представителями высшего общества и не сводят весь западный мир с ума своими талантами и невероятной пробивной способностью.

Я очень отклонилась от темы. А какое было веселое начало. Короче, сидим мы — я, Весна и три афганки и вкушаем афганский обед. В тот день на ланч в столовой были суп, цыплята табака, красное лобио и жареная картошка, на десерт — два банана. Мы с Весной съели своих цыплят с упоением. Здесь, в «Бароне», я вспомнила давно забытый вкус деревенской курицы, которую ела со свежим ткемали и с мчади, когда и мы не имели понятия о мороженых цыплятах из магазина. А эти люди и теперь питаются исключительно натуральной пищей и слов «генно-модифицированный продукт» пока не слышали. Чувствуете, как они отстали от цивилизованного мира?

Весна начала беседу, спросив девочек, замужем ли они. Что Рахима замужем, она знала, так как была у нее на свадьбе. Розия и Парасту в один голос ответили — нет.

— Значит, готовитесь?

— Представьте, нет, — отвечает красавица Розия.

— Это потому, что ребятам сейчас жениться очень трудно? — вступаю я.

Рахима отвечает:

— Да, все расходы несет мужчина: свадебные подарки, дом, одежда, выкуп за невесту ее семье — всего до пяти тысяч долларов. В этом смысле молодые мужчины в Афганистане на самом деле в трудном положении.

Тут я вспомнила историю, связанную с Абдуллой, торгующим у нас в минимаркете драгоценными камнями и ювелирными изделиями. Я зачастую любовалась чудесными изумрудами, которые он привозит прямо из Панчшира, даже не спрашивая о цене, — все равно мне не по карману. Но однажды он мне сказал:

— Если ты на самом деле покупатель, забирай за полцены.

— Что произошло, Абдул? — изумилась я.

— Собираюсь жениться, нужно очень много денег. Я должен собрать их за месяц, поэтому на месяц становлюсь добрым Абдуллой.

— Вах, как здорово, поздравляю! А «очень много» это сколько?

— Очень много... Все продам за полцены... Помоги мне — и ты выиграешь, и твои друзья.

Толпы покупателей повалили к Абдулле. Некоторые сразу покупали, некоторые

(я в том числе) торговались, пытаясь сбить и уже уполовиненную цену. Представьте себе, Абдулла шел на неслыханные уступки. А в конце выяснилось, что хорошо все просчитав заранее, он за месяц, обвешав всех женщин «Барона» своими украшениями, собрал нужные на помолвку деньги.

Но вернусь к нашей застольной беседе.

— Скажите мне, как обстоят дела в Афганистане с женским здравоохранением? Говорят, из-за того, что мужчина-врач не может осматривать женщин, пациентки в экстремальной ситуации, например, при родах, нередко погибают. Я слышала, что те женщины, у кого есть возможность, едут лечиться в Индию.

— Это правда. На периферии роды принимают местные акушерки. В Кабуле много женщин-гинекологов, есть и мужчины, но их мало.

— В Мазаре, Герате и других больших городах есть и родильные дома, и женщины-гинекологи. Случаи женской смертности в основном в деревнях, — подтвердили девочки.

— А вы выходите на улицу в одиночку, без мужчины?

— По Шаренао (центр Кабула) ходим свободно, но дальше и на окраинах — ни в коем случае. Только если нас сопровождает близкий человек: муж, брат, отец или дядя. На базар допустимо, чтобы пошли две женщины, на Чикен-стрит тоже. Но в одиночку, вдали от центра — нет.

Глава 17

Галина Алжанова из Казахстана и Рахат из Киргизии — мои близкие друзья, мы все время вместе, на работе и вечером. Много беседуем о судьбах наших стран. Международное сообщество объединяет пять среднеазиатских республик бывшего Советского Союза (Киргизия, Туркмения, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан) в группу стран Центральной Азии. Одна из главных политических задач этих стран (некоторые из них богаче России) сегодня — освобождение от доминирования русского языка в быту и делопроизводстве.

Причинами обрусения, по рассказам Галины и Рахата, являлось то, что местное население в своей стране считалось национальным меньшинством. В большие города массово переселялись русские. И Галина, и Рахат родились в маленьких аулах, но даже там в детских садах и школах учили по-русски. Дома у Галины тоже говорили по-русски, и единственной, кто сопротивлялся этому, была бабушка, которая не понимала речи своих внуков и внучек, а они не понимали ее.

— Бедная бабушка все время просила нас научиться говорить по-казахски, но ее никто не слушал. Казахская школа была единственной в деревне, и туда почти никто не ходил. Сейчас мы постепенно начали восстанавливать казахский язык в государственных учреждениях. Выступление с докладом на казахском языке считается теперь хорошим тоном. Но мало кто знает родной язык на высоком уровне, — рассказывает Галя.

— Господи, какие мы необразованные: я ничего о вас не знаю, хотя на протяжении семидесяти лет мы были одним государством, — вырвалось у меня.

— А я читала книги твоего отца.

— Так я тоже читала книги, например, Чингиза Айтматова, но он ведь на русском писал.

— А твой папа разве не на русском?

— Нет, на грузинском. Как можно написать «Я, бабушка, Илико и Иларион» на русском? — откровенно удивилась я.

— Я читала ее по-русски, и она мне очень понравилась.

— А я у себя в классе был единственным киргизом, — включился в беседу Рахат.

— Почему, ты что, в русской школе учился?

— Ну да. Киргизская тогда в Бишкеке была чуть ли не одна и очень плохая.

В отличие от них я с гордостью рассказываю, что училась в грузинской школе, закончила грузинский университет, работала в Институте грузинской литературы и как мы все поднялись против большого Советского государства, которое хотело государственным языком в Грузии провозгласить русский. Я вспомнила и то, что моя кандидатская диссертация была переведена на русский язык и отослана в Москву на утверждение. А еще я вспомнила историю, которую мой отец рассказывал как анекдот. На одной из сессий Верховного Совета СССР (депутатом которого он был) его коллега, министр одной из среднеазиатских республик, поинтересовался, на каком языке в Грузии учатся в школе. И когда отец ответил ему, что на грузинском, с улыбкой заметил ему по-русски: «Как вы от нас отстали, у нас уже все на русском». Рахат и Галя долго смеялись, приговаривая: «А чего бы вы хотели от министра, он сказал правду».

Какого-то чрезмерного давления в направлении русификации лично я не испытывала, наоборот, часто встречала выскочек-грузин, которые по собственной инициативе в процессе беседы вдруг извинялись и под предлогом плохого владения грузинским языком переходили на русский. Помню, как меня удивило, когда уйгурка, жена друга нашей семьи абхазского поэта Гено Аламия, Рабигюль начинала говорить по-русски с чистейшим московским акцентом. Как Ивета, моя сотрудница-армянка, в анкете писала: место рождения — Тбилиси, национальность — армянка, родной язык — русский. Когда я ее спросила, почему она не знает армянского или хотя бы грузинского языка, она ответила: а зачем? Эти языки мне не нужны.

История моей семьи сложилась так, что у меня есть по родственнику самых разных национальностей — абхаз, украинец, русский, поляк, армянка, — но все свободно говорят по-грузински.

— Это просто невероятно, что у вас и русские, и украинцы, и армяне говорят по-грузински! — восторженно заметила Галя.

А в «Бароне» тем временем начались непредсказуемые события. Сначала наш партнер остановил контракт с директором коммуникаций Френсис Ардинс, как было объяснено, с целью снижения проектного бюджета. Другой причины они придумать не смогли, потому что у Френсис был двадцатилетний стаж работы в Си-эн-эн и восьмилетний — в пресс-центре Рейгана, с высшими оценками и рекомендациями. Возмущенная, я посоветовала Френсис пожаловаться в суд (в надежде на неоспоримый авторитет американского правосудия), на что она коротко отрезала: «Дорогая, на американское правительство не принято жаловаться», после чего смиренно собрала вещички и, прежде чем я ушла в отпуск на рождественские каникулы 2011 года, с помпой и банкетом удалилась навсегда. Ровно через неделю по той же причине уволили филиппинку Мартину. Потом на всякий случай всем нам дали понять, что такая же участь может постичь каждого из нас. Вот тогда-то «Барон» и стал похож на настоящую тюрьму, где никто не знает, когда вдруг откроется дверь камеры и тебя позовут: «На выход с вещами!»

<...>

Глава 20

Пребываю в паршивом настроении. Диана уезжает в Тбилиси ложиться на операцию и, разумеется, как и я, отличным расположением духа похвастать не может. Дживан 12 февраля заканчивает контракт и исчезает с афганского небосклона. У Весны так напряжены отношения с ее идиотическим начальством, что она, вероятно, преждевременно расторгнет контракт и в марте покинет проект. Грейс уже уехала, и

я скучаю по ней. Андрей собирается в отпуск. Рахат не знаю когда вернется из отпуска, Светлана — тоже.

Зато недавно в отдел Дианы прибыл Тимур, молодой узбек, юрист. Узнав от Дианы, что я дочь Нодара Думбадзе, он на следующий же день навестил меня в офисе с букетом цветов и целой охапкой цитат из романов отца. Я сгорала от стыда, когда не могла вспомнить, какое выражение какому персонажу принадлежит. А Тимур умирал со смеху и приговаривал, что я, наверное, не читала произведений собственного отца. Но он помнил такие мелочи и задавал такие каверзные вопросы, что я не уверена, смог ли бы сам отец на них ответить.

Моя сестра Кетино на вступительном экзамене в университет не смогла наизусть продекламировать «Завещание Автандила» из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, за что получила четверку, не добрала одного балла и в тот год не поступила. Мама по этому поводу срочно собрала семейный совет с участием отца. Я тогда была искренне «возмущена» фактом незнания Шота Руставели:

— Как, ты не знаешь наизусть «Письмо Автандила»?!

— Полностью не знаю, а ты что, знаешь что ли? — парировала Кетино.

— Конечно, знаю, в моем классе его знают наизусть почти все! — неизвестно на каком основании заявила я. Мама воскликнула, что с этими детьми справиться не может и передала бразды правления отцу. Папе явно не хотелось разбираться, и он сказал:

— Сам Руставели «Завещание Автандила» наизусть не знал — иначе он бы его не записывал, — и подмигнул счастливой Кетино.

Тимура я полюбила как сына, можно сказать, «усыновила» и каждый день, хотел он того или нет, кормила горячим обедом. Он в ответ каждую пятницу водил нас с Дианой в «Грин вилидж», где на общеизвестном «Бранче ООН» (завтрак — шведский стол) собирались иностранцы.

Два дня непрерывно шел снег. Заснеженный «Барон» напоминал декорацию к сказкам Андерсена. Во время ночного дежурства афганские охранники лепили во дворе «Барона» больших Дедов Морозов, снежных лошадей, тигров, женские торсы и другие красивые фигуры. Это была настоящая художественная выставка.

Что происходило за стенами «Барона», я как-то не думала, пока на третий день после боевой тревоги нам не разрешили поехать в «Файнест» закупить продукты на неделю. К тому времени началось таяние. Поскольку заснеженные дороги никто не чистил, мы то и дело застревали в пробках. Стоило машине остановиться, как боковые бронированные окна облепляли женщины в вывалянных в грязи чадрах, с грудными детьми на руках. Мне стало невыносимо плохо — я ничем не могла им помочь. Газеты сообщали, что Афганистан и в этом году встретил зиму неподготовленным. В землянках многодетные семьи погибают от холода. Электроэнергия вот уже несколько дней населению почти не подается.

Мина собирает для нуждающихся одеяла, одежду и деньги. Я чувствую себя настолько виноватой, что готова отдать все. Господи, неужели и в Грузии было так же в 90-х или в 37-м? Да, кто это пережил, помнит: было почти так же. Афганцы говорят, что потеряли надежду на возрождение. И все-таки я не раз слышала от них что-то вроде нашего «Оп-ля, а мы живы!», не раз ловила искорку света в их сине-зеленых глазах, слышала их веселые песни и смех. Такова их природа. Если б было не так, не стоило бы и жить.

Трасса, ведущая к аэропорту, неплохо очищена, но на тротуарах такая слякоть, что не верится, будто два дня назад здесь лежал снег. Измызганные в грязных лужах дети в пластмассовых сандалиях на босу ногу или вообще босиком носятся полуодетые. Видимо, у них такая мощная энергетика, что они не чувствуют холода, успокаиваю я себя. Здесь же на засаленных круглых подушках-мутаках устроились старцы, завернутые в изодранные одежды. Несмотря на философское выражение лиц, они

весьма бойко беседуют. Одни курят кальян, другие потягивают чай. Люди помоложе поставили перед магазином мангал и занялись приготовлением шашлыков. Специальные веники-опахала, которыми они раздувают огонь, такие же закопченные, как их шальвар-камизы. Женщины по ледяным лужам ходят в обуви на тонкой подошве. Но все веселыми взглядами провожают наш «броневичок».

Вспоминаю наши смутные девяностые: костры из старых покрышек во дворах для согрева, подожженная на улице перед нашим домом будка, грязь на проезжей части улиц, завернутые в поношенные одежды сомнительные девочки, беззубые рты наших знаменитых актеров и общественных деятелей, впалые от голода щеки писателей и учителей... Нищие женщины и дети, излишне агрессивные, престарелые нищенки-грузинки, умоляющие помочь, выстуженные квартиры, и от холода и голода преждевременно ушедшие в мир иной близкие и родственники. Кто этого не помнит? Разве что та группа сытых представителей грузинской «элиты», человек пятьдесят, которые бахвалятся своими виртуальными достижениями.

Но разница большая. В Грузии это происходило двадцать лет назад. Здесь когда это началось, никто не помнит и когда закончится, никто не знает. Народ привык к такому существованию. Однако неудивительно, что он испытывает такую ненависть к чужестранцам, которые превратили их страну в экспериментальную лабораторию и тратят миллиарды для ее окончательного разорения.

С момента приезда сюда мой статус и рабочая тематика несколько раз менялись, в зависимости от текущей социально-политической ситуации в Афганистане и «номеров», которые выкидывал со мной наш придурковатый директор проекта. Сначала я делала то, зачем приехала и что знаю, затем мне поручили заниматься тем, чего не знали сами, а уж я вообще не имела об этом никакого представления: написать две главы книги-руководства «Как торговать в Афганистане». Сначала я впала в глубокий транс. Но что делать? Не выйдешь ведь из лодки на середине реки. Я смиренно села и начала работать над темой «электронная коммерция» (e-commerce), по которой не то что ничего никогда не писала, но даже и не читала. Представьте себе, мой научный опыт пригодился: после долгого копания в интернете я выудила уникальные материалы, изучила их, завязала переписку с международными экспертами в этой области, изучила опыт развитых стран, сделала вкрапления афганской специфики — и получился небольшой научный труд.

К моему несчастью, труд заслужил у начальства похвалу и меня попросили написать еще одну главу: «Перспективы развития афганской торговли с Россией и странами Центральной Азии». Не теряя набранной инерции, я написала и эту. В снах я видела себя тогда то поставщицей оружия на туркменской границе, то продавщицей гератских ковров в Пакистане, то партнершей опиумных барыг. Маразм крепчал.

Потом выяснилось, что директор TAFA потратил деньги проекта совершенно нецелевым образом, и это привело к досрочному закрытию двух из четырех отделов. Я состояла в одном из них и, следовательно, в середине апреля оказалась вынуждена покинуть Афганистан. Когда я об этом узнала, мы устроили в комнате Брайана большой пир с караоке. Мы с Андреем исполняли советские марши и революционные песни, Брайан и его братья — американский фолк, рок, соул и металлик вместе взятые. Зрители, слушатели и исполнители получили большое удовольствие.

Глава 21

Ужасно холодно. Местные минус десять градусов по Цельсию я приравниваю к российским сорока, потому что никак не могу согреть дом, хотя оба кондиционера работают на отметке плюс тридцать. У афганских сотрудников дома отопления нет вообще, потому что ни у бедных, ни у богатых нет электричества и газа. Единственное, чем они слегка согреваются, это керосин, дизтопливо или еще какие-то низкосортные горючие средства, сгорающие с отвратительным запахом. Такое было

в 90-е годы в Грузии — ребята воровали старые автомобильные покрышки, поджигали их и так спасались от холода.

Афганцы, которых и в такой ситуации не покидает чувство юмора, шутят, в городе, мол, значительно улучшилась экологическая ситуация: меньше машин — меньше выхлопных газов. Их выдержке нет предела, чаша их терпения не имеет дна, их грусти и печали нет конца. Но гордость их душ непоколебима. Думаю, я не доживу до вставшего на обе ноги Афганистана, но и враг никогда не увидит его павшим на колени. Утром газета крупным шрифтом оповещает: «Холод — новый афганский убийца сотен детей-беженцев из провинций!»

Весь вечер я сидела в скайпе с Ниной Джахуа. Ее муж, один из ведущих сотрудников Министерства иностранных дел Грузии, собирался посетить Афганистан с дипломатической миссией. Нину интересовало многое: насколько тепло должен быть одет ее муж, должен ли он взять с собой каску и бронежилет, имеется ли в Министерстве иностранных дел Афганистана ксерокс, интернет и другая техника. Узнав, что я из каски смастерила абажур, а из бронежилета — ширму, она немного успокоилась, сообщать ей, что я, как мышка в клетке, сижу в «Бароне», где каждый шорох является причиной того, что нас гонят в бункер, я не стала. С нетерпением жду, когда приедет делегация: может, удастся встретиться с соотечественниками в каком-нибудь разрешенном месте.

Весна уезжает. Эта новость меня просто убила: в ее лице я приобрела настоящего друга.

— Моя работа здесь была ненавистна мне с первого дня, а сейчас, из-за тебя, я не хочу уезжать, — признается моя подруга.

Она еще вернется сюда, но меня здесь уже не будет. Через несколько дней уезжает Дживан, мой друг из Малайзии. Грейси и Мартина уже уехали. Так постепенно пустеет наша маленькая интернациональная планета. Скоро останемся только я и Диана.

С отъездом Весны прекратятся занятия йогой: тренироваться в одиночку я, наверное, не смогу. Хотя посмотрим, здесь ведь все происходит иначе, чем где-либо. Может, одиночество и начинающаяся депрессия заставят меня тренироваться в одиночку, дома. Свое жилье в огромном «Бароне» только я называю «домом», остальные говорят: «мой номер» или «моя квартира». Но для меня место, где я живу, независимо от страны или континента — мой дом. Земной шар — моя родина, а точка на нем, где я в данный момент пребываю, — моя тихая гавань.

Весна заполнила форму отъезда и отнесла на подпись своему маразматическому начальнику. Тот внимательно прочел маршрут: Сараево, Босния-Герцеговина... «Как, ты в три места едешь?» — спросил он Весну. Она с олимпийским спокойствием преподала ему краткий геополитический курс Балканского региона. Я подумала было, что он пошутил, но потом вспомнила, что в одном из его квартальных отчетов было написано: «На афганско-российской границе...» Я мягко намекнула ему тогда, что Афганистан не граничит с Россией. Он оправдывался тем, что по-прежнему считал Узбекистан Россией. Не удивительно. Для американцев земной шар начинается с Соединенных Штатов и кончается ими. Все остальное — обезличенные сателлиты. Поэтому они борются за каждый клочок земли, независимо от того, принадлежит он им или нет. Они считают себя директорами всей Земли и, подобно многодетному отцу, иногда забывают имена своих детей.

Наш сотрудник Узра говорит, что талибы афганцев не убивают.

— А кого они убивают?

— Врагов!

— А кто убивает мирных афганцев?

— Враг, третья сила...

Господи, этот земной шар действительно одна семья, иначе почему везде все происходит одинаково? Во время войны в Самачабло (Южная Осетия) и в Абхазии все плохое грузины тоже сваливали на «третью силу».

Глава 22

В проекте TAFA началась «Пятилетка пышных похорон». Сначала в праздничной обстановке освободили Эда, директора проекта, затем Кармелу с ее четвертым отделом (из которого «уцелела» теперь только я) и наконец добрались до Фреда, начальника Весны. Ему и трех дней не дали для сборов. Думаю, скоро доберутся и до меня.

«Усыновленный» мной узбек Тимур Нуратдидов хихикает каждый раз, когда я не узна*ю* цитату из отцовского «Илико и Илариона». Я решила организовать грузинский стол с красным вином, оставленным Весной, и шампанским. Тимур безошибочно назвал все грузинские наименования приготовленных блюд и заявил, что для полного комплекта не хватает только мчади (кукурузная лепешка). После чего назначил себя тамадой и, представьте себе, блестяще провел настоящий грузинский стол.

Я уже говорила, что «Барон» — это вавилонское столпотворение. Хозяйка, грузинка, накрыла стол, за которым сидели представители Боснии, Албании, Америки, Германии, России, грузинской Кахетии и Ливии, во главе с узбекским тамадой и русским, поющим «Мравалжамиери» («Долгие лета»). Тимур неукоснительно соблюдал традиционную последовательность тостов грузинского застолья.

Откуда у него такие познания? Оказалось: четыре года он встречался с девушкой-грузинкой, но когда дело дошло до женитьбы, узбекские родители запротестовали: мол, зачем нам сноха-чужеземка. Такая же реакция была у грузинских родителей девушки. Тогда Тимур придумал выход: родить ребенка, чтобы родителям некуда было деваться. Гордая грузинка оскорбилась и вскоре бесследно исчезла. Сейчас у Тимура жена-узбечка, два сына, и ради их содержания он мотается с риском для жизни по горячим точкам Азии и Африки. В Афганистане он уже четвертый раз.

Весь проект «качает из стороны в сторону». Когда-то в Союзе композиторов Грузии про аналогичную ситуацию кто-то в шутку сказал: «Никто не может понять, чей смычок в чьем рояле». Все проектанты со страхом ждут неожиданного увольнения и гадают: кто следующий.

Три дня Эду устраивали пышные проводы. Как и у нас в Грузии, в Афганистане очень любят грандиозные встречи и проводы с высокопарными выступлениями и посвящениями. Разрушителя проводят так, что непосвященный решит, будто провожают выдающегося созидателя.

В Кабуле представительство ООН располагается в поселении, которое называется «Грин вилидж» («Зеленая деревня»). Оно находится в нескольких километрах от «Барона» и раз в три-четыре месяца превращается в мишень для ракетных атак талибов. Во время последнего нападения погибли двадцать шесть сотрудников, их жен и детей.

О «Зеленой деревне» я слышала еще в Тбилиси и знала, что это поселение приблизительно такое же, как Американская деревня в тбилисском районе Диди Дигоми. А называется она так потому, что место, где она находится, сравнительно ухоженное, с зеленой травой. Поселение и правда похоже на деревню своими одноэтажными домами, маленькими магазинчиками, кафе, клубами и скверами с цветочными арками. Окружающая среда мне понравилась, но бараки-вагончики напоминают клетки для зверей в зоопарке, где нет места вильнуть хвостом. Моя двухкомнатная квартира в «Бароне» по сравнению с жильем здешних ооновцев выглядит как люкс гостиницы «Кемпински». Фаустино, которого еще в декабре «попросили» из проекта, зацепился за какой-то ооновский проект и теперь, на радостях, что удалось остаться, пригласил нас, старых друзей, на традиционный пятничный грин-вилиджевский бранч.

Глава 23

По дороге на таможню я глядела из окна на закутанные в белое покрывало после двухдневного снегопада полуразрушенные домишки и тротуары. Машина еле двигалась по ледяной дороге. До таможни было еще далеко.

— Зима — сезон воздушных змеев. Хотя в такую зиму, как в этом году, воздушные змеи находятся в спячке, как медведи, — говорит мне мой ассистент Мустафа. — Но как только станет теплей и суше, в Кабуле начнутся массовые полеты воздушных змеев, и вы увидите, как запестреет небо. У нас несколько любимых развлечений: первое — соревнование воздушных змеев, второе — бузкаши и третье — почтовые голуби. Четвертой по популярности можно считать игру с мраморными шариками.

— Игру с пятью шариками я тоже знаю: в детстве играла, но мы не воспринимаем ее как серьезный спорт. К тому же в Грузии нет столько мрамора, — подыгрываю я Мустафе.

— А я обожаю голубей. У меня уникальные голуби, вот посмотри, — говорит Мустафа и показывает мне видеозапись на мобильном телефоне.

В голубятне, построенной на плоской крыше дома Мустафы, с гордым видом разгуливают четыре белогрудых с коричневыми крыльями голубя. В углу прислонена сетка для ловли птиц, похожая на сачок для бабочек, но гораздо больших размеров. Заманивание чужих голубей — распространенная забава. Легче всего заманить уставшего от перелета голодного голубя: он сам проваливается в сетку, набрасываясь на корм. Чем больше голубей заманишь, тем больше получаешь очков. Хозяева потерянных голубей начинают искать их и, когда узнают, где они находятся, являются к «похитителю» и предлагают выкуп. Порода голубя определяет стоимость выкупа. Говорят, в этом бизнесе делаются большие деньги, которым зачастую сопутствуют серьезные криминальные разборки.

За разговором я и не заметила, как мы оказались на таможне, где пришлось выслушивать другие истории. Два сотрудника национальной службы контроля ждали меня, чтобы рассказать, как хорошо, когда в каждом офисе таможни установлена видеокамера. Под страхом неусыпного контроля афганские граждане, торговцы и экспортеры-импортеры не суют взятки в руки таможенников.

— Эти камеры записывают все, а мы передаем контролерам кадры, вызывающие подозрения, — объясняет мне начальник службы наблюдения Хасиб Хоссейн.

— Сколько нарушений зафиксировано, например, за этот месяц и привлечен ли кто-нибудь к ответу за нарушения? — спрашиваю я.

— Эта аппаратура смонтирована у нас недавно, и начальник таможни еще не требовал у нас соответствующих материалов. Но положительным, несомненно, является то, что все боятся Бабау, — улыбается Хасиб.

— А кто такой Бабау?

— Укладывая детей спать, им говорят, чтоб засыпали скорей, иначе придет Бабау и будет плохо. Вот и мы предупреждаем таможенников, что видеокамеры Бабау видят все и запоминают,— смеется Хасиб и показывает мне на большом телеэкране, что происходит в данный момент на кабульской таможне. Взад-вперед снуют люди в пиджаках, с папками. За ними ходят афганцы в чалмах и без. Главное, что Хасиб знает точно, кто из них дает, а кто берет взятки.

Хасиб закончил Московский университет и свои претензии к работе таможни, отключив диктофон, высказывает по-русски. Во мне он видит побратима и единомышленника, прошедшего советскую школу, который понимает, что разговоры под запись прямо пропорциональны риску быстрой потери работы.

Глава 24

Иногда какие-то афганские мужские голоса раздаются в моем мобильнике и, услышав женский голос, не оставляют меня в покое. Пока что я нашла два способа борьбы с ними. Один простой и стопроцентно срабатывающий: приняв звонок, откладываешь телефон в сторону и продолжаешь делать свои дела в ожидании окончания денег на балансе звонящего. Поняв свою ошибку, тот поспешно отключается и больше звонить не будет.

Второй способ я узнала в доме «усыновленного» мной Тимурика. В гостях у него были также его боливийский друг Андрес и обамериканившийся афганец Сэм, который внешне больше Андреса похож на боливийца. В Афганистане у Андреса — бизнес, и он максимально старается выглядеть местным парнем: по-афгански отпущенная борода, на шее косынка афганского стиля, говорит на пушту. Сэм вещает на характерном американском сленге.

Когда зазвонил мой мобильник, я обреченно произнесла: «Ну, началось!» и протянула телефон Тимуру: может, услышав мужской голос, телефонный террорист оставит меня в покое?

— Дай-ка мне, — сказал Сэм и перехватил мой мобильник, после чего мы оказались зрителями великолепного шоу одного актера. Держа трубку перед собой, он несколько измененным голосом, как «базарят» наши тбилисские морфинисты, читал длинный монолог, звуки которого приятно ласкали слух.

— На каком языке он говорит? — спросила я Тимурика.

— На пушту, — ответил тот шепотом и приложил указательный палец к губам.

Когда абонент отключился, Сэм сказал, возвращая мне мобильник:

— Если у него есть голова на плечах, он в жизни не прикоснется больше к мобильному телефону.

— А что ты ему сказал?

— Я ему прочел один «национальный эпос». Перевести в нем можно только знаки препинания… Короче, этот человек со страху не только тебе, но и родному отцу долго звонить не будет.

— Что ж, поживем — увидим. Но твой спектакль я в жизни не забуду. Совсем потбилисски!

Вечером мне позвонил Андрей и пригласил поиграть в парный пинг-понг. С большой радостью я направилась в спортзал, где первый раз увидела, что к нам пришли поиграть афганские водители.

Андрей еле дышал. На другой стороне стола играл босой афганец — молодой, симпатичный, лет двадцати пяти — двадцати восьми, зеленоглазый брюнет с бородкой — и бил такие топки, какие я видела только в исполнении нашего Тато Урджумелашвили. У меня расширились глаза: после отъезда Тато я в основном играю в паре с Андреем, и мы считаемся сильнейшей парой, а хорошо играющего афганца я видела впервые.

— Это Тофик, так просто у него не выиграешь, нам придется крепко сконцентрироваться, — сказал мне по-русски Андрей.

Между тем он хоть и выигрывал геймы, но с большим напряжением, с преимуществом всего в два-три очка.

— Если бы вы с таким упорством в свое время боролись в Афганистане, вы и сегодня были бы здесь, — напомнила я Андрею о его «захватнической генетике», когда играла уже в паре с американцем Гари против Андрея и Тофика.

— Сейчас он одновременно борется с русскими и американцами, поэтому такой озверевший. Я защищаю честь империи и устрою ему реванш, — ответил Андрей.

По тону разговора было ясно, что он испытывает симпатию к Тофику как к достойному противнику.

Я сразу поняла, что грузинско-афганская пара принесена в жертву русско-американской коалиции. И случилось то, что случилось: ни Андрей, ни Гари не смогли взять почти ни одну нашу подачу. Мы потеряли очки на нескольких их не берущихся комбинациях, но провели много своих и выиграли гейм со счетом 21:19. Запланированный «реванш» не состоялся, вот так!

На другой день мы играли как обычно, потому что Тофик не появился. Почему-то пропал и наш постоянный партнер американец Стив.

— Куда пропал Стив? — спросила я Гари.

— Уехал.

— У него что, контракт закончился? Он же совсем недавно приехал.

— Да, но ему сказали, что бюджет проекта урезан и он попал под сокращение.

— Он не протестовал?

— Нет, решения американского правительства не опротестовывают, особенно в Афганистане.

— Он что, был шпионом?

— Этого я не знаю, но знаю, что контракты составлены так, что ничего сделать нельзя.

Мне не нравится история со Стивом. Это уже третий подобный случай, который произошел при мне. Шутка ли, закрываешь глаза на опасности, приезжаешь в эпицентр терроризма и на тебе — сюрприз от работодателя. Фактически сидишь на двух пороховых бочках: одна бочка жизни и смерти, другая — потери работы. Это и есть причина того, что в этой пуховой и соловьиной «тюрьме» все находятся в депрессии или страдают психозом.

Демонстрации на улицах Кабула не прекращаются. По официальным сведениям, уже убито семь демонстрантов. А вчера объявили, что в кабульском «Железном дворце» (Министерство внутренних дел), в строго охраняемом помещении, нашли трупы двух американских экспертов (здесь всех иностранцев называют американцами, раньше, видимо, называли русскими). Оба были убиты из огнестрельного оружия. В связи с этим в «Бароне» провели тренировки по гражданской обороне, дважды включали сирену учебной тревоги.

Еще одно «поле битвы двух гигантов» — мое общение с мужем по скайпу. Вадик пишет мне по электронной почте: «Почему, когда бы я ни вызывал тебя по скайпу, ты не отвечаешь?» Я: «Это я постоянно вызываю тебя, а ты не отвечаешь!» Короче, вместо того, чтобы залечивать раны друг друга, вызванные разлукой, мы в больших количествах высыпаем на них поваренную соль. В конце концов договорились общаться только по электронной почте. Представьте себе — помогло.

Раздается звонок из Тбилиси. Моя сестра Кетино очень взволнована, спрашивает, почему нас не эвакуируют. Оказывается, в грузинских СМИ идет такая информация о положении в Афганистане, что у людей волосы встают дыбом. А мы здесь и не подозреваем, что находимся на передовой линии фронта. Правда, мы получаем информацию от «Аль-Джазиры» и от Би-би-си, но в ней нет ничего панического. «Собака лает, а караван идет» — вот наше положение. Страна разваливается, а в «Бароне» упрямо утверждают, что реализация стратегического плана идет строго по намеченному графику.

Сижу себе в крепости, где местные интриги не уступают интригам мадридского королевского двора, и между делом наблюдаю, кто на кого доносит и кто под кого копает. Окончательно это выясняется только после какой-нибудь очередной катастрофы. А снаружи Афганистан истекает кровью, и не только афганской... Как говорит Кармела, «who cares?» — главное, чтобы это кровопролитие продлилось как можно дольше, чтобы лидеры накопили как можно больший капитал.

Когда проект закрывают перед носом неудачника, он спокойно заявляет: ну и что? Земля-матушка забита «горячими точками», тем более сейчас, когда вспыхнули события в Ливане, Сирии... На тушение этих пожаров двинулся поток проектов из развитых стран с новыми рабочими местами для таких, как мы.

«А ты что там делаешь?» — спросите вы меня, и я отвечу: «То же самое», хотя чувствую, что в первый и последний раз... Писательница, посол Швеции, которая пишет «Письма из Афганистана» и хочет, как она выражается, внести какие-то положительные изменения в местную действительность, — это блеф. Что она может изменить или спасти? Ничего. Афганистан, Ирак, Сирия и любая подобная развивающаяся страна для таких «миссионеров» является идеальной «тихой гаванью». Здесь все они одинаково счастливы и по-разному несчастны (украла у Толстого). Женщины из этой касты домой возвращаться не желают. Они пытаются отыскать свою диаспору за рубежом и заполнить таким образом пустоты своей бытовой действительности. Некоторые из них обзавелись здесь семьями. Большой популярностью для этого дела пользуются одинокие породистые «мальчики» из охраны, бродящие по горячим точкам мира. По популярности от них немного отстают афганские ребята-жиголо, которые охотятся за обладательницами заграничных паспортов и грин-карт, для них «миссионерки» ассоциируются именно с этими ценностями.

У меня семья, любящие меня муж и сын, внуки и внучка. Я уже в том возрасте, в котором грузинские женщины вполне законно могут уходить на заслуженный отдых. Но в то же самое время мой муж — пенсионер, моя родина — нестабильная страна, которая платит за сорок лет научно-педагогической деятельности всего сто десять лари в месяц (около шестидесяти шести долларов США, при прожиточном минимуме около ста двадцати) и не дает никакой работы, можно считать, что родина пустила нас по миру не в погоню за «длинным рублем», а в поисках денег на пропитание. Вот почему я нахожусь в Афганистане, который нам платит настоящие деньги, а по отношению к своим гражданам ведет себя точно так же, как наши.

Кармела закончила работу и приготовилась к отъезду. Мне, к сожалению, не удастся присутствовать на ее проводах, так как я в ближайшие дни уезжаю в Дубай на очередное заседание Конгресса всемирной газетной ассоциации. А через месяц по возвращении оттуда я и несколько ведущих специалистов попрощаемся навсегда с проектом TAFA и с «Бароном».

<...>

Глава 26

Вот уже девять месяцев варюсь я в этом котле, где есть все, кроме тепла и любви: бетонные стены, колючая проволока под напряжением, охрана с автоматами при входе, амбициозные сотрудники с нескончаемыми интригами и депрессиями... Еще немного и я, хочешь не хочешь, вольюсь в эту славную семью. Но сильная встряска сверху отрезвила меня, убедив, что пришло время уйти: всех денег не заработаешь! Хотя в Грузии так напряглась ситуация, что порой задумываешься, не предпочтительнее ли остаться в воюющем Афганистане. Здесь, по крайней мере, знаешь точно, что стреляют и ты до конца не застрахован, знаешь точно, кто друг, а кто враг, все названо своими именами. Там этот вопрос сложнее.

Итак, моя афганская эпопея подошла к концу. Поставить точку на ближайшем прошлом в моральном плане для меня оказалось довольно трудно, тем более, что в это самое время здесь начинается совершенно новый этап — милитаризация: при входе в корпус поставили охранников с автоматами Калашникова, ввели дополнительные охранные группы и перед самым носом строят две новые площадки. Для чего — секрет милитаризации.

Во время перерыва афганские строители играют на площадке в футбол. Эта

картина напоминает мне Рембо. Помните, как он играет с афганцами в поло на лошадях в перерыве между атаками русских: какое царит веселье, какой спортивный дух, улыбки и хохот перед большим штормом... Затем вновь атака со стрельбой: смешались в кучу кони, люди, дети и женщины. Что изменилось после этого? Ничего, все в ожидании повтора. Здесь и война, и мир означают войну, а то и другое вместе называют миром.

На воскресенье в «Бароне» объявлена встреча и знакомство с новой охраной и последующий пикник в саду. Барбекю, хот-доги, яблочные паи и кока-кола — рекой. Думаю, пикник будет чересчур американский.

На церемонии, предшествующей пикнику, я впервые увидела весь состав службы безопасности, начиная от рядовых, кончая начальством. У генерала был так хорошо поставлен командирский голос, что микрофон для приветственной речи ему не понадобился. Его слова отдавались в моих ушах, как сирена боевой тревоги, что привело к тому, что у меня заложило уши.

Генерала сменили пламенными приветствиями одетые в камуфляжную форму здоровенные военные дамы, которые выразили всей охране и всему персоналу свою материнскую любовь и сестринскую преданность. На их улыбающихся лицах в этот момент даже блеснула слеза, что вызвало у слушающих кратковременный спазм умиления с последующим взрывом аплодисментов.

После этого через глубокие каньоны закусочных гор потекли реки напитков, грянула музыка, и я почувствовала себя словно на военном параде победы в справедливой войне. Наступило большое всеобщее веселье. Все обнимали и целовали друг друга. Фотоаппараты щелкали без перебоя и перегрелись от большого количества вспышек: мы снимались как с отдельными рядовыми охранниками, так и группами.

После кульминационного момента веселье длилось еще приблизительно три часа, после чего пикник закончился, и я срочно занялась переносом отснятых фотографий в компьютер: хотела по свежим следам отправить друзьям фотографии. Но при подробном рассмотрении оказалось, что они весьма малоинформативны и почти на всех отснятых кадрах — снайперы с винтовками в руках на крышах наших жилых корпусов. Отправка фото была отменена. И это был мой первый и последний пикник в Афганистане, а точнее, в «Бароне».

— Один из моих сотрудников во время советско-афганской войны служил в Кабуле и до сегодняшнего дня не перестает говорить о красоте и привлекательности этого города. Это что, синдром войны? — спрашивает меня моя московская крестная Кира Андроникашвили.

— О синдроме сказать ничего не могу, но что касается страны, она очень привлекательна своей своеобразной восточной красотой. Правда, сейчас все так разбито и разрушено, что от этой красоты почти ничего не осталось. Раньше Кабул называли Восточной бахчой и Розой Востока. Потом, на протяжении сорока лет, эту «бахчу» рушили как своими, так и чужими руками. Но все равно красота Кабула удивительно притягательна, — объясняю я Кире, которую подобная информация про Афганистан, даже почерпнутая от непрофессионала, очень интересует, поскольку она политический журналист.

Мне вовсе не хочется рассказывать, как я собиралась в обратную дорогу. Скажу лишь, что афганские коллеги устроили мне в обеденный перерыв кофейно-бисквитный стол. Это не была официальная церемония проводов, которую как обязаловку устраивают всем сотрудникам проекта. От нее я официально отказалась, в шутку сославшись на то, что я и так очень высокого мнения о себе, а дополнительные дифирамбы могут меня испортить. Прощание во время перерыва прошло в очень теплой и дружеской обстановке: мы много смеялись и подшучивали друг над другом. Немного погрустили. Из близких друзей здесь остались почти одни мужчины, если не считать Диану и Свету, которые рассказывали про меня разные курьезные случаи.

Когда Мина услышала про мой отъезд, она пригласила меня с друзьями к себе домой. Попасть в этот дом — мечта каждого баронета: своей коллекцией образцов культуры и внутренним садом он смахивает на эдакий афганский дом культуры. Это был мой последний вечер в Афганистане. Ночью я проделала несколько кругов по «Барону» — сон с трудом пришел ко мне.

В аэропорт я уезжала в шесть часов утра. Водителем моего «бронетранспортера» был мой друг Хайдар. Аэропорт казался уже настолько «своим», что я с закрытыми глазами могла дойти до пункта проверки паспортов. Рейс Кабул — Дубай вылетает без опоздания. Я с одной маленькой сумкой в руках, при полном спокойствии, двигаюсь в людском потоке в направлении своей родины. Независимо от меня в сторону дома двигается мой груз. В Афганистане я оставляю один из интереснейших отрезков моей жизни. Полностью мой, не делимый ни с кем. А с собой на родину увожу самый странный в моей жизни опыт, тоже неделимый. Честно говоря, даже не знаю, что мне делать с этим выпавшим из обычной жизненной колеи отрезком и опытом, который продолжает мучить меня воспоминаниями. Да, я обязательно должна поделиться им, рассказать. Так взгляните вместе со мной на Афганистан через замочную скважину «Барона».

Я всегда знала, что рулевым своего жизненного корабля никогда не была, но у моего жизненного корабля всегда был хороший рулевой, который заботился о том, чтобы мне легче было ступать по каменистой дороге событий. Именно этот мой рулевой послал мне в кабульском аэропорту трех земляков — пилотов, у которых, как и у меня, закончился афганский контракт, они тоже возвращались домой. У них был свой, огромный багаж афганских воспоминаний, несравненно больший, чем у меня, поскольку они в течение трех лет бороздили на своем вертолете небо над этой страной и изучили ее с высоты птичьего полета вдоль и поперек. Я все спрашивала и спрашивала, а они все отвечали и отвечали. Нет, к войскам НАТО они отношения не имели. Это был американский экономический проект, название которого и фирму-исполнителя они назвать не имели права.

— При первой боевой тревоге мы как угорелые понеслись в бункер. Потом так привыкли, что в ответ на сигнал тревоги меняли только бок, на котором лежали, и продолжали спать, — смеется Тамаз.

— Ну и ну, а я, напялив каску, протирала спиной левый угол своей ванной комнаты, а вот бронежилет сдвинуть с места до конца пребывания в Афганистане так и не смогла.

— Один раз во время ланча объявили ракетную атаку. Вся столовая распласталась на полу. Вот этого типа, — Тамаз указал на своего товарища, — тревога застала в момент, когда он шел с полным подносом к своему столу. Он на мгновение остановился, огляделся и невозмутимо продолжил «слалом» между распластанными на полу сотрудниками. Аккуратно переступая через них, он то и дело приговаривал: «Экскьюз ми! Экскьюз ми!» — Тамаз так мастерски изобразил эту сцену, что я со смеху чуть не упала с кресла.

— Говорят, грузинские пилоты были одними из лучших во всей советской авиации, это правда?

— Похоже на правду, потому что очень крепкие были ребята. Вот сейчас приедем, сдадим квалификационный тест, и через некоторое время на нашего брата снова начнется большая охота. О нас уже многие знают.

— Как мне повезло, что я буду добираться домой вместе с вами, — сказала я, и тут же представитель грузинской авиакомпании «Аирзена» по динамикам аэропорта Дубая объявил, что по техническим причинам наш вылет откладывается на три часа.

Ребята страшно обрадовались: у них появилась возможность сделать покупки для детей. Конечно же, в Афганистане таких, как в Дубае, товаров не было. А я

огорчилась и с грустью сказала ребятам, чтобы шли на шопинг, я останусь сторожить чемоданы.

Когда они вернулись и позвонили в офис «Аирзены», им сообщили, что самолет уже в пути.

— А что случилось? — поинтересовалась я.

— У них сломалась какая-то деталь, пришлось вернуться с полпути, чтобы заменить ее.

— Эх, надо было лететь на «Дубай флайз», — сказал с досадой Тамаз.

— Почему на «Дубай флайз»?

— А потому, что у них новые самолеты и они вовремя вылетели в Тбилиси.

— А как насчет «Аирзены», грузинских пилотов... Вы же говорили... Это что, неправда?

— Нет, то, что я говорил про грузинских пилотов, правда.

Как раз в этот момент объявили нашу посадку. Я прилепилась к моим новоиспеченным друзьям (будто они могли помочь мне в воздухе, случись что-нибудь) и довольно грустно поднялась в самолет «Аирзены» с замененной деталью.

— Дорогие друзья, приветствуем вас на борту нашего самолета, — начала свой обычный монолог стюардесса, — приносим извинения за непредвиденную задержку. К сожалению, Иран перекрыл наш воздушный коридор на три часа. Постараемся в процессе полета хоть частично компенсировать потерянное время, — и ничего о проблемах технического характера. Я взглянула на моих пилотов, сидевших на несколько рядов дальше. Они весело смеялись и жестами показывали, как легко я попалась на их удочку.

Самолет мягко приземлился в аэропорту Тбилиси. С грузинскими пилотами я сердечно распрощалась. С тех пор я их больше не видела.

Теперь о ежедневных афганских делах я узнаю из телевидения и ужасаюсь от того, что была там, где все это происходит. О чем я думала, когда соглашалась ехать туда? Для чего и для кого все это было сделано? После такого количества «для чего» и «для кого» я пришла к выводу, что из всего увиденного и услышанного надо вычитать эдак процентов пятьдесят. Далее, к остатку, в зависимости от расположения духа, прибавить желаемое количество процентов, и то, что останется, это и есть фактор риска. Такая математика прекрасно пригнана к афганскому оптимизму.

Сначала я хотела поставить точку здесь. Но потом перенесла ее в конец истории, которая произошла, когда у меня дома гостили мои дорогие афганцы, живущие в Тбилиси.

В тбилисском «Бук-хаусе» (литературное кафе, которое находится на пересечении улиц Петриашвили и Гудаурской) во время просмотра фильмов по юмористическим рассказам моего отца я познакомилась с Майей Кебурия, преподавательницей искусствоведения в Интернешнл скул, которая сказала, что к ней в группу ходит несколько афганских учениц и учеников.

— Это брат и сестра, очень милые и веселые, а также другие члены семьи, которые уже несколько лет живут в Тбилиси, — сказала Майя.

— Ну-ка дай им мой телефон. Если захотят, пусть позвонят, — предложила я.

Через несколько дней мне действительно позвонила афганская девушка и сказала, что будет очень рада познакомиться со мной. Мы решили встретиться в воскресенье в три часа у метро «Делиси» и пойти к ним в гости.

На встречу со мной пришла девушка приблизительно лет пятнадцати, среднего роста, по имени Маджиуба. Тонкая брюнетка с черными глазами и милой улыбкой, она больше походила на таджичку. С ней был брат, Абид: по афганским обычаям, он сопровождал девушку вне дома. Голова Маджиубы не была покрыта косынкой, а брат был одет как типичный тбилисский тинэйджер: шорты и майка.

Абид пошел впереди, мы зашли через арку во двор. Они живут в четырехкомнат-

ной квартире на втором этаже корпуса чешского типа. Ребята завели меня в гостиную, посадили на диван к столу, который был уставлен вазочками со всякими засахаренными орешками, прозрачными конфетками и другими «развлекательными» штучками. Абид вышел, а вместо него в комнату вошли две его старшие сестры — Рабия и Амена. Сев по обе стороны от меня, они тут же засыпали меня вопросами: полюбила ли я в Афганистане чаепитие? Понравился ли мне Кабул? Где я еще была, кроме Кабула? Сколько у меня детей? Как я попала в Афганистан? И т.д.

— Чай я и до этого очень любила, а афганцев полюбила сразу, поэтому я сегодня здесь, — сказала я от всего сердца. — Что касается моей работы в Афганистане, то, кроме Кабула, я нигде не была, да и сам Кабул почти не видела, потому что из соображений безопасности нас почти никуда не пускали, в особенности пешком. У меня один сын, внучка и два внука, и сейчас я без зазрения совести пишу афганские записки, — скороговоркой протараторила я.

Абид вернулся в новой майке и в джинсах. Сел на подлокотник дивана. Девочки принесли семейный альбом. В комнату вошла пожилая женщина с косынкой на голове.

— Познакомьтесь, это моя бабушка Кобра, — сказала Маджиуба. С афганскими бабушками я уже встречалась в «Баги занане», они очень похожи на Акие-биби (нашу аджарскую бабушку): легкие, как бабочки, очень и очень скромные, с доброй улыбкой на лице. Кобра сказала мне несколько фраз на дари, я ей ответила, правда, с грамматическими ошибками. Она обрадовалась, рассмеялась и сказала, что другого языка не знает, поэтому говорить с ней можно только на этом, произнесла еще несколько простых предложений, я их поняла и была очень горда этим. «Это что! Читать и писать я умею лучше, чем разговаривать», — расхвасталась я. Бабушка Кобра указала мне на стол, приглашая угоститься, а сама подсела к Абиду в уголок дивана. Пока я рассматривала фотографии в альбоме, Маджиуба принесла лэптоп.

— Здесь у меня фотографии свадьбы моего двоюродного брата. Вас интересует, какая бывает афганская свадьба?

— Очень интересует. Однажды в Афганистане я видела видеозапись свадьбы, но то была запись только мужской части. Говорят, вы так разрисовываете себя, что вас узнать невозможно, это правда?

— Правда. Очень много макияжа, ожерелья, золото, много золотых браслетов, большие медальоны, тяжелые бусы, кольца с драгоценными камнями… Свадьба длится два дня. В первый день невеста обязательно должна быть в зеленом платье, как вот на этой фотографии, на второй день она должна быть в белом, можно, правда, и в платье другого цвета, но предпочтение отдается белому, вот как здесь…

С фотографии на меня смотрела звезда какого-то фольклорного ансамбля, одетая в богатые одежды. На другой фотографии на ней был тоже национальный костюм, на третьей — европейское декольтированное короткое платье и, наконец, на четвертой — индийское панджаби. Во всех случаях ведущую роль в одеянии играли золото и драгоценности.

— Какое богатство! Трудно представить себе, что это Афганистан, — вырвалось у меня.

— Мои отец и мать раньше были такие бедные, что отец на свадьбе был одет в одолженные одежды, а свадьбу справляли в квартире родственника. Папа учился в Москве, откуда вернулся дипломированным юристом, но долго оставался безработным. Потом начал работать в ЮНИСЕФ и постепенно встал на ноги. Сейчас у него хорошая зарплата: он работает в офисе ЮНИСЕФ в Судане.

— А сюда как вы попали?

— В 2008 году, во время войны, папа приехал сюда как международный наблюдатель ООН и привез нас. Мы все ходим в международную школу. ООН оплачивает

половину стоимости обучения, другую половину — папа. Мама не работает, она ухаживает за нами, вот придет сейчас и напоит нас чаем.

— У мамы много свободного времени, попросите ее — она научит вас дари: в Кабуле она была школьной учительницей. Или приходите к нам почаще, общение с бабушкой заставит вас выучить язык, потому что английского она не знает, а поговорить очень любит.

— Я тоже очень люблю поговорить с пожилыми людьми: они знают много интересных историй из прежней жизни. Мне очень нравится ваш дом. Эти ковры вы из Кабула привезли?

— Нет, большой ковер хозяйский, мы привезли маленькие. Вы же знаете, что мы любим есть, сидя на ковре на полу.

— Я тоже хочу пригласить вас к себе домой и показать, что я привезла из Афганистана.

— Когда? Только вы помните, что мы не едим свинину и не пьем алкогольных напитков?

— Что свинину не едите, знаю, но насчет алкогольных напитков у меня другое впечатление: мои знакомые афганцы тоже говорили, что не пьют, а потом так «глушили» водку, что смотреть на них было одно удовольствие.

— Мой папа пьет, — засмеялась Маджиуба.

— Конечно, русские научили. — Это, к моему удивлению, рассмешило и бабушку Кобру, и она в знак согласия со мной кивнула. Оказывается, младший внук тихо переводил ей все, что говорилось.

— Азиз-джан! — это прозвучало с такой любовью, что я поняла: она произнесла имя сына.

— А вот и мама пришла, — защебетали девочки. В комнату вошла красивая молодая женщина с платком на голове, улыбнулась мне и сказала Маджиубе довольно длинную фразу.

— Это моя мама Марзия и мой брат Юсуп. Мама приносит извинения, что не встретила вас, но мы скоро уезжаем в Афганистан, и надо было делать покупки. Но сейчас мы займемся чаепитием, и она полностью в вашем распоряжении.

— Здравствуйте, Марзия, здравствуй, Юсуп. Сколько тебе лет?

— Скоро пятнадцать.

— Тебе здесь нравится? Завел себе друзей?

— Да, завел, в школе и несколько здесь, во дворе.

— Ну и что, нравятся тебе тбилисские ребята?

— Да, есть хорошие и есть... ничего себе, у меня хорошие друзья, но чаще я бываю с сестрами и братом и маме помогаю.

У него то ли зеленые, то ли темно-синие глаза, брюнет, среднего роста, классического сложения, типичный красивый молодой афганец, уже мужчина. Рабия и Амена внесли электрочайник и начали разливать чай. Поговорили о том и о сем, и я пригласила их в воскресенье на обед. Они очень обрадовались и обещали обязательно придти. Потом, по афганскому обычаю, я расцеловала всех персон женского пола и, приложив ладонь правой руки к груди, поклонилась мужчинам.

Я с нетерпением ждала всю неделю встречи с моими новыми друзьями. Все, что обнаружила в магазинах фисташкообразного, сухофрукты, орешки и прочие восточные сласти я закупила в достаточных количествах. Пирожные тоже. Делать настоящий обед я не решилась, поскольку знаю, что афганцы не любят чужую пищу. Чтобы они не почувствовали себя неловко, я устроила сладкий стол.

Приглашенные на семь часов, мои афганские друзья вплоть до девяти не давали о себе знать. Я уже начала звонить Маджиубе по мобильному телефону — не случилось ли с ними чего по дороге, но номер был вне досягаемости. Потом, вспомнив про пресловутую афганскую «пунктуальность», успокоилась. Тут и гости пожаловали.

Прибыло только женское крыло семьи — бабушка, мама, Маджиуба и две ее сестры. Мужчины, как я и предполагала, не пришли. А я готовила им сюрприз: встречу с эмансипированным, эмоциональным, абсолютно свободно мыслящим украинцем тбилисского разлива, моим мужем Вадиком.

Вечер начался чопорно, но постепенно пришло большое веселье: представьте себе традиционных афганскую бабушку, афганскую маму, Маджиубу и двух ее сестер в компании с гуляющим от души Вадиком, который пьет вино из большого фужера, играет на гитаре с бантом и поет с цыганским надрывом «Очи черные». В промежутках между тостами Вадик старался развлечь женщин показом семейных альбомов, непрерывным предложением угощений, беседой на политические темы, на тему мирового экономического кризиса и глобального потепления. Не удовлетворившись всем этим, он снова схватил гитару с бантом и «врезал» «Эх раз, еще раз», да так, что люстра закачалась.

Надо сказать, что гости реагировали по-компанейски. Младшие девочки горящими глазами смотрели на проделки Вадика, Маджиуба периодически похихикивала, а мама и бабушка, сидевшие в креслах рядом, едва сдерживались от хохота, закрывая лицо головными платками. Глядя на них, я поняла: позволь им посмеяться от души — и больше им ничего не надо. И я позволила: залилась откровенно истерическим смехом, до колик в желудке. Мой сигнал к раскрепощению был принят, и они тоже открыто захохотали. Все барьеры рухнули, воцарились уют и свобода. Сейчас, когда я пишу эти строки, перед глазами у меня стоит медовая улыбка бабушки Кобры.

* * *

Вчера я говорила с Весной по скайпу. Она вернулась в Афганистан и работает в каком-то проекте ООН. Рассказала мне «веселую» историю: в их отделе некий афганец влюбился в замужнюю сотрудницу-афганку и начал посылать ей любовные эсэмэски. Та недолго думая рассказала мужу. Муж поступил цивилизованно и вместо того, чтобы полоснуть обидчика ножом по горлу, пожаловался его начальству. Начальство устроило «преступнику» импровизированный трибунал, оценило поступок как сексуальное посягательство и выгнало с работы. Можно сказать, он отделался легким испугом. «Смешнее» оказалось то, что у пострадавшего, оказывается, было две жены — таджичка и пуштунка. Одна говорила на дари, другая на пушту, и друг друга они без мужа не понимали. Что оставалось делать мужику, как не искать жену со знанием двух языков?

Эпилог

Вчера днем зазвонил звонок у входной двери. Я открыла и увидела средних лет мужчину, который назвался афганцем (участником афганской войны). Это был нищий. Я сказала ему, что только что вернулась из Афганистана и готова ему помочь. Он попросил бутылочную тару и небольшую денежную помощь. Пустых бутылок у меня не было, и в дом он не зашел. Я дала ему немного денег. Это был худой, маленького роста человек с короткой бородой. Я рассказала ему про наших ребят в Афганистане, кое-что про Кабул, но видела, что он стыдится и спешит уйти…

Имени его я не спросила, знала, что не скажет, тепло с ним попрощалась, и он ушел своей дорогой… Да, я слышала, что в нашем районе ходит и просит милостыню афганец, но до меня он дошел только сегодня. Как он мог себе представить, что здесь встречу его я, со своей долей Афганистана в сердце…

Кабул — Тбилиси, 2012 год